

Дискреционная модель правового регулирования прекращения уголовного дела и уголовного преследования: pro et contra

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы выбора наиболее эффективной модели прекращения уголовного судопроизводства, анализируется предлагаемая в научной литературе модель отказа от усмотрения правоприменителя при принятии соответствующего процессуального решения. Автором на основании практики Европейского Суда по правам человека, Конституционного Суда РФ и постановлений Пленума Верховного Суда РФ изучается соотношение между принципом справедливости и законностью процессуальных решений о прекращении уголовного дела и уголовного преследования. По итогам исследования автор делает вывод, что дискреционная модель правового регулирования прекращения уголовного дела и уголовного преследования является эффективным средством достижения назначения уголовного судопроизводства, позволяющим правоприменителю принять справедливое решение с учетом характера, степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения, сведений о личности лица, совершившего преступление. Отказ от усмотрения правоприменителя в вопросе прекращения уголовного дела не только не будет способствовать гуманизации законодательства, но обозначит победу формализма над справедливостью в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: уголовное законодательство; уголовное судопроизводство; прекращение уголовного дела; дискреционные основания; освобождение от уголовной ответственности; законность и справедливость; гуманизация уголовного законодательства; дискреционные полномочия; справедливость; законность.

Для цитирования: Кучеров Г. Н. Дискреционная модель правового регулирования прекращения уголовного дела и уголовного преследования: pro et contra // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 11. — С. 214–222. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.214-222.

Discretionary Model of Legal Regulation of a Criminal Case and Criminal Prosecution Termination: Pro et Contra

Grigoriy N. Kucherov, Prosecutor of the Department of Public Prosecutors of the Criminal Justice Department of the Prosecutor's Office of the Moscow Region, 1st Class Lawyer
Bolnichnyy pr-d, d. 15, kv. 1, p. Tuchkovo, Ruzskiy r-n, Moskovskaya obl., Russia, 143130
kucherov.gr@gmail.com

Abstract. The paper discusses the issues of choosing the most effective model of criminal proceedings termination, analyzes the proposed in the scientific literature model of refusal of the discretion of the law enforcement officer when making an appropriate procedural decision. The author, based on the practice of the European Court

© Кучеров Г. Н., 2020

* Кучеров Григорий Николаевич, прокурор отдела государственных обвинителей уголовно-судебного управления прокуратуры Московской области, юрист 1-го класса
Больничный пр-д, д. 15, кв. 1, п. Тучково, Рузский р-н, Московская обл., Россия, 143130
kucherov.gr@gmail.com

of Human Rights, the Constitutional Court of the Russian Federation and the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, studies the relationship between the principle of justice and the legality of procedural decisions to terminate a criminal case and criminal prosecution. The author concludes that the discretionary model of legal regulation of a criminal case and criminal prosecution termination is an effective means of achieving the purpose of criminal proceedings, allowing the law enforcement officer to make a fair decision, given the nature, degree of social danger of the crime, the circumstances of its commission, information about the identity of the person who committed the crime. Refusal of the discretion of the law enforcement officer in the matter of terminating a criminal case will not only not contribute to the humanization of legislation, but will mark the victory of formalism over justice in criminal proceedings.

Keywords: criminal legislation; criminal proceedings; termination of a criminal case; discretionary grounds; exemption from criminal liability; legality and fairness; humanization of criminal legislation; discretionary powers; justice; legality.

Cite as: Kucherov GN. Diskreционnaya model pravovogo regulirovaniya prekrashcheniya ugovolnogo dela i ugovolnogo presledovaniya: pro et contra [Discretionary Model of Legal Regulation of a Criminal Case and Criminal Prosecution Termination: Pro et Contra]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(11):214-222. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.214-222. (In Russ., abstract in Eng.).

Необходимость гуманизации уголовного и уголовно-процессуального законодательства неоднократно отмечалась как органами прокуратуры¹, так и представителями судейского корпуса². Вместе с тем для развития законодательства в указанном направлении важна дискуссия о выборе модели нормативного регулирования прекращения уголовного дела (уголовного преследования)³.

УПК РФ содержит две модели правового регулирования прекращения уголовного дела (преследования):

1) *дискреционная модель*, решение о прекращении уголовного дела при которой зависит не только от формального выполнения совокупности условий прекращения уголовного дела (уголовного преследования), но и от усмотре-

ния правоприменителя (ст. 25, ст. 25.1, ч. 1 ст. 28, ст. 427 УПК РФ). Решение о прекращении уголовного дела (преследования) при описанной модели является результатом применения в конкретном деле дискреционных полномочий должностного лица, то есть полномочий правоприменителя, «реализация которых зависит от его усмотрения, когда закон предоставляет ему право выбора из нескольких возможных вариантов поведения в зависимости от его внутренней оценки фактических обстоятельств уголовного дела и данных о личности подозреваемого, обвиняемого»⁴;

2) *императивная модель* ставит принятие соответствующего процессуального решения исключительно в зависимость от установления

¹ См.: Выступление Генерального прокурора РФ на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ по итогам 2017 года // URL: <https://genproc.gov.ru/upload/150218.pdf> (дата обращения: 10.01.2020).

² См.: постановление IX Всероссийского съезда судей «Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе» от 08.12.2016 № 1 // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей РФ. 2017. № 1.

³ См., например: Скифский И. С. Статья 76 УК РФ: диспозитивный характер и судейское усмотрение // Российский судья. 2017. № 4. С. 13–15; Уренева О. В. Право потерпевшего на милость под судебный контроль // Российский судья. 2016. № 6. С. 26–30; Петрикова С. В. Вопросы реформирования законодательства об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и примирением с потерпевшим // Lex russica. 2015. № 6. С. 48–57.

⁴ Буланова Н. В. Прокурор в досудебных стадиях уголовного судопроизводства Российской Федерации: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 158.

по делу условий, предусмотренных законом (ст. 27, ч. 2 ст. 28, ст. 28.1 УПК РФ). Сторонники построения системы оснований по императивной модели в поддержку указанной позиции приводят следующие аргументы:

- непредсказуемость и отсутствие единства правоприменительной практики при прекращении уголовного дела (преследования) по дискреционным основаниям снижает мотивацию к позитивному постпреступному поведению и возмещению ущерба у лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Нестабильность правоприменительной практики снижает уважение к закону и влечет утрату веры в его справедливость;
- дискреционность решения о прекращении уголовного дела содержит в себе высокие коррупционные риски;
- широкое усмотрение правоприменителя в вопросе прекращения уголовного дела может приводить к нарушениям прав потерпевшего в уголовном процессе;
- отсутствие четких условий, выполнение или наступление которых необходимо для прекращения уголовного дела, затрудняет проверку законности и обоснованности соответствующих процессуальных решений⁵.

Рассмотрим по порядку каждый из приведенных доводов.

Как указывает Х. Д. Аликперов, «отсутствие в этих нормах однозначной гарантии освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего преступление, в обмен на выполнение им условий, перечисленных в законе, резко снижает главное их назначение — склонить таких лиц к осознанию своей вины, положительному посткриминальному поведению»⁶. По мнению

И. С. Дикарева, «лицо, привлекаемое к уголовной ответственности (при отсутствии гарантий прекращения уголовного дела. — *Прим. Г. К.*), теряет уверенность в том, что положительное постпреступное поведение будет способствовать освобождению его от уголовной ответственности. Как следствие, у подозреваемых и обвиняемых пропадает заинтересованность в совершении действий, направленных на примирение с потерпевшими и возмещение вреда, причиненного совершенными преступлениями»⁷.

По мнению О. В. Уреневой, подход, не предусматривающий обязанности правоприменителя по прекращению уголовного дела в порядке ст. 25 УПК РФ, «разрушает саму суть предназначения закона как прочной основы разрешения спора, порождает сомнения и разочарования в справедливости судебных решений у участников уголовного судопроизводства»⁸.

С указанными доводами сложно согласиться. Как обоснованно отмечает Е. В. Терехов, «прогнозируемость и единство правоприменительной практики едва ли можно ставить выше тех задач, решение которых становится возможным посредством дискреционных начал уголовного процесса»⁹. Более того, наличие дискреционного усмотрения правоприменителя отнюдь не исключает единства и прогнозируемости правоприменительной практики.

Как отмечено Европейским Судом по правам человека, «закон, наделяющий дискрецией, сам по себе не является несовместимым с требованием предсказуемости, если предел дискреции и способ ее осуществления указаны с достаточной ясностью, с учетом законной цели данной меры»¹⁰. «Хотя определенность весьма желательна, она может сопровождаться

⁵ См. подробнее: *Дикарев И. С.* К вопросу о дискреционных основаниях прекращения уголовного дела (уголовного преследования) // Уголовное право. 2007. № 1.

⁶ *Аликперов Х. Д.* Новый УК: проблемы освобождения от уголовной ответственности // Законность. 1999 № 4 С. 12–14.

⁷ *Дикарев И. С.* Указ. соч.

⁸ См.: *Уренева О. В.* Право потерпевшего на милость под судебный контроль // Российский судья. 2016. № 6. С. 26–30.

⁹ *Терехов Е. В.* Дискреционные полномочия прокурора в сфере уголовного судопроизводства России и Австрии : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 18.

¹⁰ Постановление Европейского Суда по правам человека от 24.03.1998 по делу «Ольссоны (Olsson) против Швеции (№ 1)» (жалоба № 10465/83) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 11.

чертами окаменелости, тогда как право должно обладать способностью идти в ногу с меняющимися обстоятельствами. Соответственно, многие законы неизбежно пользуются терминами, которые в большей или меньшей степени расплывчаты: их толкование и применение — задача практики»¹¹.

Полагаю, что именно возможность учета всех обстоятельств уголовного дела, личности лица, привлекаемого к уголовной ответственности, позволяет дискреционной модели правового регулирования эффективно достигать назначения уголовного судопроизводства.

Трудно согласиться и с приведенными доводами о снижении мотивации к позитивному посткриминальному поведению и возмещению ущерба от преступления. Закон предусматривает значительное улучшение положения для лиц, полностью или частично возместивших ущерб от преступления. Возмещение ущерба от преступления учитывается и в качестве обстоятельства, смягчающего наказание. Частью 1 ст. 62 УК РФ установлено правило о назначении при возмещении ущерба наказания в размере не более 2/3 от наиболее строгого вида наказания. Кроме того, зачастую именно возмещение ущерба от преступления и искреннее раскаяние обвиняемого являются ключевыми факторами при даче потерпевшим согласия на особый порядок судебного разбирательства, при котором наказание не превышает 2/3 от наиболее строгого вида наказания. Исходя из приведенных положений закона, нельзя согласиться с доводами о том, что лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, не захочет возместить ущерб или иным образом загладить свою вину перед потерпевшим лишь ввиду отсутствия гарантий прекращения уголовного дела.

Неубедительным представляется и довод о снижении уважения к закону и об утрате веры в справедливость принимаемых решений. Имен-

но совершение преступления является проявлением неуважения к закону, а уважение к закону основывается в том числе на обязательности его исполнения и реальности применения санкций за его нарушение. Отсутствие угрозы ответственности за нарушение закона или создание у нарушителя легальной возможности безоговорочного ухода от наказания породит чувство безнаказанности и неуважения к закону, который будет беспомощен в отношении лица, формально исполнившего его требования.

Нельзя также забывать, что вера в справедливость в первую очередь должна быть восстановлена у потерпевшего, для которого привлечение преступника к ответственности и восстановление справедливости зачастую куда важнее материального возмещения ущерба. Особенно это актуально для преступлений, связанных с причинением тяжкого вреда здоровью, при которых потерпевший длительное время лишен возможности вести нормальную жизнь, или с причинением смерти (ст. 109, 264 УК РФ и др.).

Каждое преступление имеет свои индивидуальные обстоятельства, сведение судопроизводства к проверке формального выполнения требований закона не только не будет способствовать обозначенным целям единства и прогнозируемости правоприменительной практики, но и может создать множество способов уклонения от уголовной ответственности. К примеру, лицо, получившее от соучастников или иных лиц информацию о наличии у правоохранительных органов сведений о причастности его к совершению преступления, может обратиться в любой иной правоохранительный орган с заявлением о явке с повинной и впоследствии, при выполнении требования о возмещении ущерба, уголовное преследование такого лица (при отказе от дискреционной модели правового регулирования) подлежит обязательному прекращению. Сложившаяся в правоохранительных органах

¹¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 26.04.1979 «“Санди таймс” (the Sunday Times) против Соединенного Королевства» (жалоба № 6538/74) [рус. (извлечение), англ.] // Европейский Суд по правам человека : избранные решения. М. : Норма, 2000. Т. 1. С. 198–230.

Указанная позиция также высказана в более поздних решениях, см., например: постановление Европейского Суда по правам человека от 18.04.2013 по делу «Агеевы (Ageyevy) против Российской Федерации» (жалоба № 7075/10) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 1.

практика получения явок с повинной с целью закрепления доказательственной базы на ранних этапах расследования будет лишь способствовать неосновательному освобождению от уголовной ответственности.

Еще одним доводом противников дискреционного усмотрения является возможность коррупционных проявлений при использовании указанной модели прекращения уголовного судопроизводства. По мнению А. Ю. Афанасьева, дискреционные основания являются потенциально коррупциогенными¹². Аналогичной точки зрения придерживается и Ю. В. Кувалдина¹³. Более того, А. Ю. Афанасьев на основании проведенного им исследования утверждает, что «на 62 % вероятно то, что должностное лицо получит взятку, используя уголовно-процессуальные решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с примирением сторон или в связи с деятельным раскаянием»¹⁴.

Позиция указанных авторов находит свое нормативное закрепление в методике, утвержденной постановлением Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», в соответствии с которой определение компетенции должностного лица при принятии решений по формуле «вправе» и широта дискреционных полномочий должностного лица отнесены к коррупциогенным факторам.

Представляется, что практически каждая уголовно-правовая норма содержит в себе определенные коррупционные риски. К примеру, санкция ч. 4 ст. 111 УК РФ предусматривает наказание от 2 месяцев до 15 лет лишения свободы. Содержит ли санкция данной статьи коррупционные риски — безусловно, содержит, как и положения ч. 6 ст. 15, ст. 64, ст. 73 УК РФ

и других статей УК РФ и УПК РФ. Вместе с тем наличие коррупционных рисков не означает, что от применения указанных положений необходимо отказаться. Возможность гипотетического коррупционного риска является несоразмерной положительному эффекту, который каждый день дает применение указанных положений закона по конкретным уголовным делам.

Полагаю, что в исследуемом вопросе необходимо согласиться с мнением С. П. Андрусенко, который отмечает, что «критерии, изложенные в законодательстве, посвященном антикоррупционной экспертизе, во многом неприменимы к уголовному и уголовно-процессуальному законодательству, а необоснованное следование Федеральному закону от 17.01.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» и другим нормативным правовым актам приведет к нарушению прав и законных интересов граждан»¹⁵.

Еще одним доводом против дискреционного усмотрения при прекращении уголовного дела называют возможность нарушения правоприменителем прав участников уголовного судопроизводства. Как указывает С. В. Петрикова, «потерпевший может считать свое право восстановленным, спор — исчерпанным». Однако в силу возможного усмотрения правоприменителя потерпевшего вопреки его воле могут обязать являться по вызовам должностных лиц, а в случае неявки подвергнуть приводу, в связи с чем, по мнению С. В. Петриковой, такое положение дел может ущемлять интересы самого потерпевшего¹⁶. Широкое распространение получила позиция об основополагающем мнении потерпевшего в принятии решения о прекращении уголовного судопроизводства. Так, Л. Н. Лянго относительно прекращения уголовного дела в

¹² Афанасьев А. Ю. Коррупционные риски уголовно-процессуального доказательственного права. М. : Юрлитинформ, 2017. С. 114–116.

¹³ Кувалдина Ю. В. Компромисс как способ разрешения уголовно-правовых конфликтов в России. М., 2016. С. 14.

¹⁴ Афанасьев А. Ю. Указ. соч. С. 125.

¹⁵ Андрусенко С. П. Антикоррупционная экспертиза в российской уголовной юстиции // Журнал российского права. 2013. № 4. С. 51–58.

¹⁶ Петрикова С. В. Указ. соч.

порядке ст. 25 УПК РФ указывает, что при наличии оснований и условий для освобождения от уголовной ответственности лица в связи с примирением с потерпевшим правоохранительные органы обязаны прекратить уголовное дело¹⁷.

В то же время в современной ситуации падения нравов и коммерциализации общественных отношений человек, обладающий достаточными материальными средствами, может откупиться от потерпевшего, купив себе прощение без раскаяния в содеянном¹⁸. В связи с этим сведение уголовного судопроизводства лишь к необходимости возмещения ущерба без предоставления правоприменителю права дать надлежащую оценку всем обстоятельствам совершенного преступления и личности лица, привлекаемого к уголовной ответственности, едва ли отвечает назначению уголовного судопроизводства.

Сведение роли правоприменителя при прекращении уголовного дела только к формальной проверке требований о возмещении потерпевшему ущерба от преступления породит порочную практику прекращения уголовных дел о преступлениях с крайне высокой общественной опасностью. Формально будут подлежать прекращению уголовные дела о таких преступлениях, как склонение к совершению самоубийства несовершеннолетнего или женщины в состоянии беременности (п. «а», «б» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ), понуждение к действиям сексуального характера несовершеннолетнего (ч. 2 ст. 133 УК РФ) и ряд иных составов преступлений повышенной общественной опасности. Возможность прекращения уголовных дел по таким преступлениям формально предусмотрена законом, однако общественная опасность таких деяний зачастую не позволяет прекратить уголовное преследование. Полагаю, что сведение вопроса о прекращении уголовного судопроизводства исключительно к удовлетворению

материального интереса потерпевшего нельзя признать обоснованным.

Доводы о нарушении прав потерпевшего ввиду необходимости его очного участия при решении вопроса о прекращении уголовного дела также нельзя признать состоятельными. Именно установление факта добровольности при заявлении потерпевшим ходатайства о прекращении уголовного дела является одной из важнейших процессуальных гарантий соблюдения его прав в рамках уголовного процесса.

В то же время противники дискреционной модели прекращения уголовного преследования ставят важный вопрос об отсутствии в законе единых критериев законности дискреционных решений о прекращении уголовного дела, что, в свою очередь, затрудняет проверку соответствующих решений в рамках прокурорского надзора и судебного контроля.

Задаваясь указанным вопросом, И. С. Дикарев предполагает, что правоприменители либо будут произвольно принимать соответствующие процессуальные решения, либо должны будут руководствоваться дополнительными критериями, не закрепленными в тексте закона¹⁹.

Полагаю, что в вопросе определения критериев законности процессуальных решений необходимо исходить из взаимосвязи материального и уголовно-процессуального права при регулировании соответствующих общественных отношений. Как указывает Л. М. Володина, «отказ от уголовного преследования имеет материально-правовую основу — институт освобождения от уголовной ответственности, нормы которого содержатся в УК РФ... Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) — это процессуальная форма освобождения от уголовной ответственности»²⁰.

В соответствии с ч. 1 ст. 6 УК РФ наказание и иные меры уголовно-правового характера должны быть справедливыми — соответствовать ха-

¹⁷ Лянго Л. Н. Проблемы прекращения уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. С. 15.

¹⁸ См.: Лянго Л. Н. Указ. соч. С. 55.

¹⁹ Дикарев И. С. Указ. соч.

²⁰ Володина Л. М. Назначение уголовного судопроизводства и проблемы его реализации. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 246.

рактеру, обстоятельствам совершения, степени общественной опасности преступления и личности виновного. Исходя из этого требования принципа справедливости одинаково применимы как к назначению вида и размера наказания, так и к освобождению от наказания и его процессуальному оформлению — решению о прекращении уголовного судопроизводства. Таким образом, решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по дискреционным основаниям, не отвечающее уголовно-правовому принципу справедливости по своему содержанию, не может рассматриваться как отвечающее межотраслевому принципу законности. При этом, как обоснованно отмечает М. А. Лавнов, «отсутствие в уголовно-процессуальном законе статьи, прямо формулирующей принцип справедливости, не означает, что действующее уголовное законодательство не следует его положениям. Весь уголовно-процессуальный закон рассматривается через призму справедливости. Справедливостью определяется качество закона и его реализация»²¹.

Кроме того, в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод право на справедливое судебное разбирательство является неотъемлемой частью российского законодательства. Вывод о соответствии критерию справедливости решений о прекращении уголовного судопроизводства находит свое подтверждение как в решениях Конституционного Суда РФ, положениях Пленума Верховного Суда РФ, так и в практике судов общей юрисдикции.

Как разъяснил Конституционный Суд РФ, решение о прекращении уголовного дела в связи

с примирением сторон принимается не на основании произвольного усмотрения суда, а исходя из учета всей совокупности обстоятельств конкретного дела, включая степень общественной опасности совершенного деяния, личность обвиняемого, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность²². Также Пленум Верховного Суда РФ обратил внимание судов, что именно посредством применения гл. 11 УК РФ реализуются принципы справедливости и гуманизма²³.

Таким образом, критерием законности решения о прекращении уголовного судопроизводства по дискреционным основаниям является его соответствие принципу справедливости, что означает соответствие принятого процессуального решения обстоятельствам совершения, степени общественной опасности преступления и личности лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

Из изложенного также следует, что дискреционная модель правового регулирования прекращения уголовного дела и уголовного преследования является эффективным средством достижения назначения уголовного судопроизводства, позволяющим правоприменителю принять справедливое решение с учетом характера, степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения, сведений о личности лица, совершившего преступление. Отказ от усмотрения правоприменителя в вопросе прекращения уголовного дела не только не будет способствовать гуманизации законодательства, но и обозначит победу формализма над справедливостью в уголовном судопроизводстве.

²¹ Лавнов М. А. Институт прекращения уголовного дела в системе уголовно-процессуального права и правоприменительной практике : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 77

²² См.: определение Конституционного Суда РФ от 04.06.2007 № 519-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Ленинского районного суда города Махачкалы о проверке конституционности статьи 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²³ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (ред. от 29.11.2016). П. 1 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аликперов Х. Д. Новый УК: проблемы освобождения от уголовной ответственности // Законность. — 1999. — № 4. — С. 12–14.
2. Андрусенко С. П. Антикоррупционная экспертиза в российской уголовной юстиции // Журнал российского права. — 2013. — № 4. — С. 51–58.
3. Афанасьев А. Ю. Коррупционные риски уголовно-процессуального доказательственного права : монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. Ф. Лубина. — М. : Юрлитинформ, 2017. — 224 с.
4. Буланова Н. В. Прокурор в досудебных стадиях уголовного судопроизводства Российской Федерации. — М. : Юрлитинформ 2015. — 216 с.
5. Володина Л. М. Назначение уголовного судопроизводства и проблемы его реализации. — М. : Юрлитинформ, 2018. — 289 с.
6. Дикарев И. С. К вопросу о дискреционных основаниях прекращения уголовного дела (уголовного преследования) // Уголовное право. — 2007. — № 1.
7. Европейский Суд по правам человека : избранные решения : в 2 т. / ред. кол.: В. А. Туманов [и др.]. — М. : Норма, 2000. — 841 с.
8. Кувалдина Ю. В. Компромисс как способ разрешения уголовно-правовых конфликтов в России : монография. — 2-е изд. — М. : Юстиция, 2016. — 251 с.
9. Лавнов М. А. Институт прекращения уголовного дела в системе уголовно-процессуального права и правоприменительной практике : дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2015. — 200 с.
10. Лянго Л. Н. Проблемы прекращения уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим : дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2000. — 219 с.
11. Петрикова С. В. Вопросы реформирования законодательства об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и примирением с потерпевшим // Lex russica. — 2015. — № 6. — С. 48–57.
12. Скифский И. С. Статья 76 УК РФ: диспозитивный характер и судебское усмотрение // Российский судья. — 2017. — № 4. — С. 13–15.
13. Терехов Е. В. Дискреционные полномочия прокурора в сфере уголовного судопроизводства России и Австрии : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2009. — 230 с.
14. Уренева О. В. Право потерпевшего на милость под судебный контроль // Российский судья. — 2016. — № 6. — С. 26–30.

Материал поступил в редакцию 10 января 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alikperov H. D. Novyj UK: problemy osvobozhdeniya ot ugodovnoj otvetstvennosti // Zakonnost'. — 1999. — № 4. — S. 12–14.
2. Andrusenko S. P. Antikorrupcionnaya ekspertiza v rossijskoj ugodovnoj yusticii // Zhurnal rossijskogo prava. — 2013. — № 4. — S. 51–58.
3. Afanas'ev A. Yu. Korruptsionnye riski ugodovno-processual'nogo dokazatel'stvennogo prava : monografiya / pod red. d-ra yurid. nauk, prof. A. F. Lubina. — M. : Yurlitinform, 2017. — 224 s.
4. Bulanova N. V. Prokuror v dosudebnyh stadiyah ugodovnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii. — M. : Yurlitinform 2015. — 216 s.
5. Volodina L. M. Naznachenie ugodovnogo sudoproizvodstva i problemy ego realizacii. — M. : Yurlitinform, 2018. — 289 s.

6. Dikarev I. S. K voprosu o diskrecionnyh osnovaniyah prekrashcheniya ugolovnogogo dela (ugolovnogogo presledovaniya) // Ugolovnoe pravo. — 2007. — № 1.
7. Evropejskij Sud po pravam cheloveka : izbrannye resheniya : v 2 t. / red. kol.: V. A. Tumanov [i dr.]. — M. : Norma, 2000. — 841 s.
8. Kuvaldina Yu. V. Kompromiss kak sposob razresheniya ugolovno-pravovyh konfliktov v Rossii : monografiya. — 2-e izd. — M. : Yusticiya, 2016. — 251 s.
9. Lavnov M. A. Institut prekrashcheniya ugolovnogogo dela v sisteme ugolovno-processual'nogo prava i pravoprimeritel'noj praktike : dis. ... kand. jurid. nauk. — Saratov, 2015. — 200 s.
10. Lyango L. N. Problemy prekrashcheniya ugolovnogogo dela v svyazi s primireniiem s poterpevshim : dis. ... kand. jurid. nauk. — Volgograd, 2000. — 219 s.
11. Petrikova S. V. Voprosy reformirovaniya zakonodatel'stva ob osvobozhdenii ot ugolovnoj otvetstvennosti v svyazi s deyatelnym raskayaniem i primireniiem s poterpevshim // Lex russica. — 2015. — № 6. — S. 48–57.
12. Skifskij I. S. Stat'ya 76 UK RF: dispozitivnyj harakter i sudejskoe usmotrenie // Rossijskij sud'ya. — 2017. — № 4. — S. 13–15.
13. Terekhov E. V. Diskrecionnye polnomochiya prokurora v sfere ugolovnogogo sudoproizvodstva Rossii i Avstrii : dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2009. — 230 s.
14. Ureneva O. V. Pravo poterpevshego na milost' pod sudebnym kontrol' // Rossijskij sud'ya. — 2016. — № 6. — S. 26–30.